

— Да, вотъ онѣ, „птицы съ желѣзными носами“, которыя, по толкованію Зюзи, должны налетѣть предъ кончиною міра,— продолжалъ онъ все съ болѣе и болѣе возрастающимъ жаромъ.— Но у васъ не только носы, но и сердца желѣзные. Оттого-то вы такъ спокойны и самодовольны. Плохо, когда сердце изъ мускуловъ и нервовъ состоитъ! Хоть ты каменными стѣнами окружись, хоть въ Эскуриаль какой-нибудь спрячешься, а не дасть оно тебѣ покою, когда знаешь, что тамъ, за стѣнами этими, слезы и кровь льются. Либо плюнешь на все и сопьешься, чтобы не слышать этихъ стонровъ, либо уйдешь туда же на улицу, вмѣстѣ съ другими погибать. Ну, вотъ вамъ этого дѣлать не нужно. Человѣкъ стонетъ, а вамъ смѣшно. Человѣкъ у васъ передъ глазами отъ боли корчится, а вы его только ногой оттолкнете, чтобы не мѣшаль идти своей дорогою... Ха-ха-ха! Да, вотъ онѣ, вотъ, птицы съ желѣзными носами! „И налетятъ онѣ... и настанетъ конецъ міра... И возстанетъ братъ на брата, сынъ на отца... И свернется небо въ свитокъ, и звѣзды падаютъ на землю“...

— Ну, а вы себѣ какую же роль предназначаете въ этой картинѣ?—спросилъ Володя саркастически, отчего сердце Лени снова закипѣло негодованіемъ.—Вѣроятно, ангела на черномъ конѣ, съ карающимъ мечомъ въ десницѣ?

Діодоръ, повидимому, не слыхалъ этого замѣчанія и продолжалъ.

— О, вы начертали себѣ великолѣпнѣйшій житейскій катехизисъ! У васъ все тамъ прекрасно, „по наукѣ“, да еще по самой современной, такъ что ни одинъ философъ иголки не подпуститъ. Вы признаете свободу; вы проповѣдуете: свобода должна быть дана каждому человѣку, пусть каждый дѣйствуетъ, какъ ему угодно! Но ужъ если человѣкъ не съумѣлъ воспользоваться своей свободой, если онъ упалъ, вы ему не поможете и преспокойно будете шагать по головамъ этихъ упавшихъ, куда вамъ требуется. Вамъ каждая минута дорога, и вы не пожертвуете ни одною для своего ближняго. Зачѣмъ? Каждому отпущена своя доля, и пусть каждый пользуется ею, какъ умѣетъ и какъ хочетъ. Прозѣваль,— виновать самъ... Такъ, такъ! это вѣрно! Дѣйствуйте, люди науки! Вы не Щепоткины какіе-нибудь. Чтò такое Щепоткинъ? Грязное, грубое животное! Сегодня онъ кого-нибудь ограбить, а завтра, кто посылнѣе, у него изо рта кусокъ выхватить. Вы—другое дѣло... Вы—люди съ тонкими чувствами, съ изящнымъ вкусомъ. Вы и Венеру Медицейскую, и Мадонну Долорозу понимать можете. И Гёте, и Шиллеромъ восхищаетесь, и Лассала и Маркса штудируете... А Дарвинъ,—его вы прямо въ апостолы свои воз-